

Бугаев Алексей Евгеньевич,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Армавире,
г. Армавир
alexeybugaev@gmail.com

Истоки хайдеггеровского понятия времени: Августин Блаженный и Э. Гуссерль

Аннотация. В статье осуществлена попытка обзора онтологических и теоретико-познавательных аспектов темпоральной проблематики у Августина и Э. Гуссерля. Оба мыслителя рассматриваются как создатели комплекса философских идей, которые, наряду с трансцендентальной философией И. Канта, непосредственно повлияли на хайдеггеровскую концепцию времени. Сущностные открытия Августина и Гуссерля представлены во взаимосвязи с пониманием времени у Хайдеггера.

Ключевые слова: время, Августин Блаженный, Мартин Хайдеггер, Эдмунд Гуссерль, онтология, теория познания.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

При исследовании особенностей хайдеггеровского учения о времени, представляется необходимым предварительно разъяснить основные положения темпоральной рефлексии у Августина Аврелия и Эдмунда Гуссерля. Первый важен потому, что все переплетение вопросов онтологии времени было сформулировано в его работе «Исповедь». Э. Гуссерль же являлся учителем и непосредственным предшественником Хайдеггера, идеи которого прямо повлияли на философию экзистенциализма.

В учении Августина принципиально важным будет установить связь понятий вечность и временность потому, что через нее будет виден возможный перевод темпоральной проблематики из сферы онтологии в сферу гносеологии. Через варианты соотношенности логики и чувственности со свойствами времени будет нужно установить роль и одной и другой в познании и измерении времени у Августина.

Далее, не исключая основных пунктов комплекса проблем времени, созданных Августином, следует рассмотреть их гуссерлевскую интерпретацию. Гуссерлевская версия субъективности времени должна указать на принципиальные основы философии времени у Хайдеггера.

Августин Аврелий один из первых философов в истории, последовательно и широко занимался онтологической проблематикой времени. В его труде «Исповедь» времени посвящена одиннадцатая книга, которую «принято рассматривать как источник всех классических вопросов философии времени» [1].

Рассуждая о свойствах времени, Августин, регулярно касается понятия вечности. В ней «все здесь и сейчас, там одно настоящее» [2]. При этом Августин отмечает, что «невозможно найти то время, которое действительно было бы в настоящем» [2]. Мы можем предположить и представить будущее, можем вспомнить прошлое – и это единственные способы говорить о времени.

Именно вечность «не зная ни прошедшего, ни будущего, творит из своего «сейчас» и прошедшее, и будущее» [2]. Только она пребывает в настоящем, которое «не продолжается» [2].

Профессор университета Маркетт Роланд Теске замечает, что «схватить идею целиком в божественной вечности не есть интеллектуальная задача» [3]. Невырази-

мость в формально-логической форме речи становится у Августина еще одним важнейшим свойством времени. Оно не является загадкой в рамках внутреннего ощущения, «если никто меня о нем не спрашивает» [2]. Однако, объяснение сути времени, которое предполагает формализованное структурирование – невозможно [2].

Такая невыразимость связана с противопоставленностью существования времени в настоящем, прошлом или будущем. Существовая «лишь потому, что стремится исчезнуть» [2]? время не может быть схвачено в рассудке, который своей формализованностью обязан ритму и времени: «я и сейчас не знаю, что есть время; зато я знаю, что говорю об этом во времени, что долго уже говорю и что это "долго" – некий промежуток времени» [2].

Еще одной важной проблемой понимания времени Августином становится его связь с движением тел. Р. Теске вообще говорит о двух концепциях времени у Августина. Первая, субъективистская, говорит о времени как свойстве сознания; для второй, объективной, время есть движение тварных предметов, в котором они следуют друг за другом [3]. Тем не менее любое движение существует во времени, но то, что само время есть движение – для Августина вовсе не очевидно [2]. Говоря о возникновении времени, философ утверждает, что прежде появления оформленных вещей оно возникнуть не могло, так как «в бесформенной материи не могло быть никаких изменений и сама она могла явиться во времени только вместе со всеми образованными из нее творениями» [2]. Отсюда следует, что сотворенное время вместе с временной тварью само является творением [2]. «Сотворенные вещи стали отмерять время своими движениями», поэтому время раньше тварного невозможно [2].

В некоторых случаях Августин понимает пространство и время как потенциальное бытие: «вечная и неизменная природа суть неизреченная субстанция, которую человек не может определять иначе, чем словами, обозначающими пространство и время (хотя она и существует прежде любого времени и пространства)» [2]. В этом отношении время является и возможностью мышления, которое, в свою очередь, представляет собой так же тварное бытие. Мышление распределено во времени, в мышлении можно легко выделить темпоральные характеристики. Августин говорит: «В движении, например, бестелесной твари, каковой является душа или ум, который, несомненно, при мышлении движется, и в этом движении одного достигает раньше, а другого – позже, а "раньше" и "позже" немыслимо вне представления о времени» [2]. Последовательность мышления связана временем. Имея одинаковую онтологическую основу, время и мышление не могут быть основанием друг друга. Однако время, становясь принципом чувственности, или полем, на котором чувственность разворачивает эмпирический материал, в своих основополагающих свойствах синхронизировано с фундаментальными атрибутами мышления.

В отношении осознания времени эта обозначенная Августином точка пересечения его с мышлением приводит Гуссерля к согласию с Кантом. По утверждению В. И. Молчанова «Гуссерль следует, скорее, Канту, для которого временные синтезы лежат в основе познавательной способности» [4]. Таким же образом, точка приложения познавательного интереса смещается с вопроса «что есть время само по себе» на проблему того, как оно осознается и воспринимается; как выглядит в рамках феноменологической методологии первичное ощущение и восприятие времени [1]. В феноменологическом подходе время не становится ни объектом, ни свойством, продолжает Т. В. Литвин, «сознание времени само темпорально, сознательные процессы разворачиваются по темпоральным закономерностям» [1]. С помощью феноменологической редукции Гуссерль одновременно избавляется и от психологизма, и от обыденного представления о времени как о линейно организованных событиях. То

есть, субъективизация времени у Гуссерля обосновывается отличным и от Августина, и от Канта путём [1].

Время в гуссерлевском понимании представляется «как имманентная данность, рассматривается в качестве изначального ощущения, присущего прежде всего сознанию, а уже потом – внешнему миру» [1]. Структура сочетания и взаимодействия свойств времени должна быть выражена в сочетании и взаимодействии свойств сознания. Барри Дейнтон, профессор Ливерпульского университета, указывает, что у Гуссерля оно состоит из трех уровней. Первый уровень – это «есть жизнь, первичное восприятие, действующий опыт, который схватывает моментность «сейчас». Однако моментальное восприятие мгновенно и дискретно. Исчезнуть вместе с сознанием ему не позволяет второй уровень – ретенция, которая представляет это переживание как прошлое. Третий уровень – протенция, которая представляет собой обращенную в прошлое ретенцию, осознаваемую как нечто, что будет происходить [5]. При этом Т. В. Литвин указывает на то, что «ключевым механизмом сознания времени является конституирование настоящего» [1]. Оно «как бы возникает из фиксации самих операций восприятия» [1].

Среди описания свойств времени Августином выкристаллизовывается важный вопрос о возможности и способах его измерения. Мы можем измерять его только в процессе прохождения, «и только благодаря этому можем говорить о том, что тот промежуток был больше того, этот – меньше этого, а те и вовсе были равны» [2]. При этом, время в будущем и прошлом не существует, а в настоящем не имеет того, что можно измерять, то есть процесса его прохождения [2].

Таким образом, мы измеряем не то время, которого еще или уже нет, и не то время, которое представляет собой момент в настоящем [2]. Августин прямо указывает на познаваемость времени как внутреннего переживания: «В тебе, душа моя, измеряю я время» [2]. Более того, оно онтологически принадлежит личности, выражаемой в христианской антропологии Августина в понятии «душа», «где находится время, в противном же случае я его вообще не измеряю» [2].

Сам факт осознания времени в душе предполагает утверждение важного компонента любого познавательного акта – внимания. Количественным показателем внимания является его степень концентрации. Августин пишет: «Внимание, существующее в настоящем, переправляет будущее в прошлое; уменьшается будущее – растет прошлое, исчезает будущее – и все уже становится прошлым» [2]. Фокусировка сознания в одном, наиболее важном и интересном здесь и сейчас моменте – самый малоисследованный компонент познавательной деятельности в рамках философии, и гносеологии в частности.

У Эдмунда Гуссерля внимание является важным элементом теории интенциональности. Польский исследователь Кшиштоф Михальский пишет: «акт внимания есть специфически интенциональный акт, особенный путь переживания чего-либо» [6]. Познавательные процедуры настолько захватывают сознание, что человек не замечает времени. Время опускается за скобки когнитивного акта, и сознание освобождается от принципов линейности, дискретности, однонаправленности – всех тех оков реальности, которые блокируют коммуникацию с бытием. Время может ощущаться лишь как момент становления бытия из ничто, ибо это становление, «почти «ничто», и позволяет нам чувствовать время, ибо время творится становлением вещей; то же, материалом чему послужила «безвидная земля», находится в непрестанном становлении» [2].

Время, понимание и измерение которого возможно только в рамках имманентности сознанию (у Августина – душе) [2], или субъективное время, оппозиционно объективному времени и у Гуссерля, причем второе непознаваемо. Гуссерль пишет: «По-

средством феноменологического анализа нельзя обнаружить даже самую малость объективного времени» [2]. Именно рамки феноменальной субъективности являются источником требования отказа от объективации времени, оно «должно быть описано исходя из непосредственных данных сознания, при условии отказа от естественно-научных способов» [1]. Согласно Гуссерлю, атрибуты времени не просто переживаются, но они сами несут в себе качества схватывания. Пытаясь выразить связь между объективным и субъективным временем, К. Михальский пишет, что внутреннее (субъективное) время есть условие возможности того времени, которое мы измеряем с помощью часов, или объективного времени-последовательности; линии последовательных состояний темпоральных фаз. Однако, само по себе это внутреннее время является не линией, а течением, не последовательностью прошлого и будущего, но их единством [6]. Эти качества представляю собой необходимости и возможности «на основе ощущаемых данных измерять являющиеся времена и временные отношения друг относительно друга, так-то и так-то приводить их в объективный порядок, так-то и так-то отделять кажущиеся порядки от действительных» [7].

Такой анализ темпоральности, по мнению Т. В. Литвина, может представлять собой «наиболее аутентичную часть феноменологии Гуссерля» [1].

Отдельным важным аспектом понимания времени у Августина является его соотнесенность с Богом. Согласно Августину, времени предшествует «мудрость сотворенная, т. е. духовная и умная природа, ставшая светом от созерцания Света» [2]. «И этой мудрости не предшествовало время, ибо прежде всего, прежде всех времен была сотворена она» [2].

Бог, по Августину созерцающий, действующий и покоящийся вне времени, творит временное и само время, и даже «покой по скончании времен» [2]. Время и временность здесь возможны благодаря вечности Бога, они – ответ ей. Смысловой разрыв, в который вписан человек у Августина и влекущий его к познанию Бога, очерчивается установкой на наличие в душе фундаментальных пограничных знаний: «Мы знаем то время, когда мы были тьмой, и знаем, когда стали светом» [2]. Эта аксиоматика постулирует как наличие света, так и тьмы, как знания, так и забвения, как вечности, так и времени, которое эхом транслирует истину и смысл человеческого существования в поле рассудка.

Таким образом, нужно отметить следующее. Августин сформулировал основные вопросы философии времени. Вечность – опорное понятие рассуждений о времени, в которые трудно включить настоящее: рефлексии поддаются только прошлое или будущее. В настоящем прибывает лишь вечность. Логически рассуждать о времени настолько же сложно, насколько легко и естественно его внутренне переживать.

Существовая сразу в трех аспектах – прошлом, настоящем и будущем – время противоречит структуре рассудка.

Время для Августина есть среда изменений, в нем происходит движение; значит время тварно так же, как и предметы: оно не могло появиться раньше них.

Время и мышление у Августина имеют одинаковую онтологическую основу, поэтому, не являясь источником друг друга, они функционируют в рамках одинаковых правил.

Вопрос измерения времени у Августина состоит в том, что прошлого и будущего не существует, а в настоящем нечего измерять. Значит, измеряемо лишь субъективное переживание времени в душе. Только в душе мы можем концентрировать наше внимание на одном компоненте и отслеживать его движение.

Гуссерль, хотя и опирается на августиновскую когерентность времени и мышления и кантовские темпоральные синтезы, все же, субъективизирует время по-своему.

Для него время есть имманентная первичному ощущению данность, свойства которой выражаются в комбинации свойств сознания.

Для Гуссерля субъективное время так же время имманентно сознанию и противопоставлено непознаваемому объективному времени. Время содержит характеристики нацеленности на познавательные акты. Человеческая временность Августина есть абстракция вечности Бога, влекущая нас к познанию. Это свойство времени представлено у Гуссерля темпоральными когнитивными структурами сознания.

Ссылки на источники

1. Литвин Т. В. Время, восприятие, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта и Гуссерля. – СПб., 2013.
2. Блаженный Августин. Исповедь // Блаженный Августин. Творения: в 4 т. Т. 1: Об истинной религии. – СПб.; Киев, 2000.
3. Teske Roland J. Paradoxes of time in Saint Augustine. – Milwaukee, 1996.
4. Молчанов В. И. Предисловие // Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени. – М., 1994
5. Barri Dainton. Temporal Consciousness. – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/consciousness-temporal/#BerHusRusBro>.
6. Michalsky K. Logic and time: An Essay on Husserl's Theory of Meaning. Dordrecht. Boston. – L., 1996.
7. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени. – М., 1994.

Alexey Bugaev,

lecturer of the Department of social stratification, branch of Kuban state University in Armavir, Armavir
alexeybugaev@gmail.com

The origins of Heidegger's concept of time: St. Augustine and Husserl

Abstract. The article was an attempt to review the complex ideas, issues dealing with temporal Augustine and Husserl. Both thinkers are considered as creators of a complex of philosophical ideas which along with transcendental philosophy of Kant have directly influenced the Heidegger's concept of time. Intrinsic opening Augustine and Husserl presented in conjunction with the understanding of time in Heidegger.

Key words: time, St. Augustine, Martin Heidegger, Edmund Husserl, ontology, epistemology.

Рекомендовано к публикации:

Корниенко Т. А., кандидатом исторических наук, доцентом;
 Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию <i>Received</i>	20.04.16	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	21.04.16
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	21.04.16	Опубликована <i>Published</i>	21.04.16

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016

© Бугаев А. Е., 2016